

Л О Р А
К Е Й Л И

ТРИЛЛЕРЫ Л. КЕЙЛИ:

В петле времени

Колокол

Ловушка памяти

Дежавю

Последний сценарий

Взаперти

Жатва

Пригород

В ПЕТЛЕ
ВРЕМЕНИ

ЛОРА
КЕЙЛИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

Редактор серии *Е. Тёрина*

Оформление серии *Е. Петровой*

Кейли, Лора.

К33 В петле времени / Лора Кейли. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-223282-4

Детектив Бенджамин Морис приезжает на очередной вызов: в собственном доме убита молодая женщина. В саду он находит заколку с прядью волос, а когда возвращается в особняк, обнаруживает, что дом пуст, нет ни трупа, ни коллег. Решив, что все ушли, он забирает находку с собой и утром привозит ее в участок.

Но там детектива поднимают на смех, не понимая, о каком убийстве идет речь. Морис уже решает, что сходит с ума, но неожиданно приходит та самая женщина, которую он вчера видел мертвой, и жалуется на угрозы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223282-4

© Кейли Л., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

1

ГЛАВА

К дому Саманты Стюарт инспектор Морис прибыл через десять минут. Всю последнюю неделю он проклинал бумажную волокиту, считая, что детектив должен заниматься настоящим делом, а не перекладыванием странниц из папки в папку, из кабинета в кабинет. Не то чтобы он был рад этому вызову, но и не то чтобы не был. И не видел в том никакого кощунства.

Дом Саманты Стюарт, двухэтажный каменный с коричнево-красной крышей и арочными окнами, поддерживался высокими колоннами и ежегодной побелкой. Свет огромной люстры играл меж гранёными каплями, отражаясь множеством лучей на мраморном полу. Комнатные пальмы стояли у высокой лестницы, ведомой бронзовыми перилами на второй этаж. По этой же лестнице поднимался офицер со служебной овчаркой, предлагая ей взять исчезнувший след.

Инспектор Морис прошёл на кухню. Саманта Стюарт сидела за столом в компании

двух следователей, одного криминалиста и хрустальной вазы с апельсинами, что стояла в центре стола. По окружным бёдрам хозяйки дома струился шёлковый халат. Грудь была слегка оголена, а длинные светлые волосы небрежно спадали на лицо. «Красивая женщина», — подумал инспектор. Всё в ней было красиво, всё, кроме зияющего багрового пятна под грудью.

— Огнестрел, — сказал один из следователей, — гильзу не нашли, пуля разорвалась внутри.

— Огнестрел, — повторил Бенджамин Морис и обошёл сотрудников, не мешая им работать с телом.

Работа же инспектора заключалась в другом — восстановить цепочку последних событий.

— Предположительное время смерти? — спросил он.

— Около полудня, — ответил следователь.

«Около пяти часов назад», — прикинул инспектор.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в спальню была открыта. Морис вошёл. Кровать аккуратно заправлена, стулья на местах, один у стены, другой возле зеркала, никаких следов взлома или борьбы. На туалетном столике стояли разного вида шкатулки: из лакированного дерева, из холодного зелёного камня и просто обшитые кожей. Весь столик был в них.

Морис открыл одну, вторую, третью, их было шесть, и все они были набиты украшениями: жемчугами, золотыми кулонами, краси-

выми кольцами. В одной из шкатулок была свёрнутая пачка денег, они отпружинили крышку, когда Морис только дотронулся до неё. Инспектор взял одно из колец и присмотрелся к оборотной стороне — тысяча восемьсот какой-то год, цифры были стёрты. Так и есть, подумал детектив, все украшения походили на семейные реликвии и стоили немыслимых денег, и все они были нетронуты. Если бы преступник искал что-то конкретное, одно кольцо из множества, но нет, следов поиска тоже не было. Морис хорошо чуял бытую суетность. Когда кто-то спешил или заметал следы, это всегда ощущалось в воздухе, будто само пространство было спутано.

Впервые инспектор почувствовал подобное лет десять назад, в спальне своего дома, когда вернулся раньше времени. Эта скомканная нервозность витала в воздухе, пряталась во взгляде жены, в ворохе наспех заправленной постели. Тогда он никого не нашёл, он и не пытался искать, но и не отрицал очевидного. Так и сейчас очевидно было, что убийца — не вор.

Часто Морису приходилось реанимировать прошлое, расставлять предметы по местам, поступки по мотивам, прослушивать телефонные разговоры, проходить по следам будущей жертвы, до последней её минуты. Он должен был думать как преступник, хотеть того же, понять, почему он того хотел. Инспектор спустился вниз.

— Мы осмотрели сад, — услышал он знакомый голос сержанта, это был Ронни из его отдела, — в саду всё чисто. Скорее всего, убийца вошёл через центральный вход, а жертва сама впустила его.

— Так в саду совсем ничего? — переспросил детектив.

— Проверь сам, Морис.

Ронни не любил таких, как детектив. Слишком педантичен, слишком въедлив и не к месту упрям. Бенджамин всегда был не к месту. Для Ронни всё казалось очевидным, для Мориса же ничего очевидного быть не могло.

Двери во внутренний двор были распахнуты настежь, через кухню виднелся просторный сад с небольшим водоёмом, милым фонтанчиком, ротанговой мебелью и садовыми гномами, засевшими в кустах. Бенджамин Морис пошёл на свет играющего в малиновых клёнах солнца, оно то подсвечивало огневидные листья, то оттеняло их. В саду пахло лилиями и розмарином. Морис и сам был не прочь жить в таком доме, но жил лишь в серой квартире, под такими же серыми соседями, которым, как и ему, никогда не светили ни такой дом, ни фонтан со скульптурами, ни солнце в канадских клёнах.

Инспектор медленно обходил сад. Подошвы его чёрных ботинок осторожно приминали идеальный газон, ступали по мозаичным дорожкам из камня, проходили вдоль полукруг-

лых кустарников и осиротевших белых фигур. Зелёное, белое, зелёное, белое, стеклянное... стеклянное. Морис не сразу заметил стекло, лежавшее в траве, присмотревшись, детектив поднял его. Оказалось, что это заколка (имитация хрустала с металлической застёжкой), с прядью светлых волос на ней. «Прядь Саманты Стюарт, — подумал Морис, — внушительная прядь. Такую можно только выдрать силой». Морис попытался восстановить происшедшее. «Сначала он схватил её за волосы, — рассуждал детектив, — она вырвалась, он дёрнул и выдрал заколку вместе с волосами. Преступник выбросил её, а после сам же не смог найти, не легко найти стекло на траве. Получается, убийца не выстрелил в мирно сидящую женщину, он убил её здесь и приволок на кухню, усадив за стол, придал ей красивую позу, но зачем? На обуви убитой нет травы или земли, её каблуки должны были впиться в землю, должны были принести с собой что-то из сада. Он помыл её обувь, — догадался Морис, — помыл и усадил за стол. Но почему он не оставил её здесь? Труп на траве в саду, чем плохое убийство? Почему не в саду? — Детектив расхаживал из стороны в сторону. — Никто не должен был знать, что убийца зашёл через сад. Через сад можно зайти? Инспектор пробежал по периметру. Невысокий каменный забор огораживал участок. Зайти через сад... У него не было ключей от дома, и ему не открыли бы, а подстроил он всё

так, чтобы сузить круг подозреваемых до близких знакомых».

Морис ещё долго ходил по участку. При желании можно было легко перемахнуть через забор, поставить лестницу и перелезть. Да что там лестницу, — инспектор встал на цыпочки, — будь преступник выше Мориса (что вполне естественно, все знакомые были выше Мориса, даже женщины), то с лёгкостью мог перелезть через забор. Инспектор осмотрел заколку, пружина выскочила, прядь убитой Саманты раззвевалась по ветру. Он накрутил её на пластиковое стекло и стал ощупывать карманы своего плаща. Пакеты для вещдоков Бенджамин всегда носил с собой. Всегда, только не сейчас. Ничего, у Ронни должен быть пакет.

Морис забежал в дом. В доме никого не было. Ни тела, ни следователей, ни Ронни. Только пустота. Дорогая, холодная пустота.

— Ронни, ты здесь? — крикнул Морис.

Из сада повеяло холодом, Морис закрыл витражные двери.

«Как долго я пробыл в саду», — подумал он и посмотрел на часы. Стрелки остановились. Он побил по стеклу, оно треснуло.

— Китайская дешёвка, — буркнул детектив. Он стал рыться по кухонным ящикам и, найдя наконец рулон из пакетов, положил заколку в один из них. Завтра он отдаст вещдок на экспертизу.

2

ГЛАВА

Морис жил в небольшой квартирке: прихожая, через шаг холодильник и мойка, можно сказать, кухня в прихожей или наоборот. Окно освещало полкомнаты, кухня и была половиной комнаты, в неё буквально врезалась кровать. За окном находилась пожарная лестница. Мимо Мориса часто ходили по лестнице: непонятные люди в широких штанах, понятные женщины в длинных блузках, или то были короткие платья... Морис давно не смотрел на девиц. Ничего хорошего от них он не ждал.

Всё, что он когда-либо имел, отошло его жене и её любовнику. Тот прохиндей работал юристом, они оказались в сговоре. А Бенджи остался в этой квартире, на третьем этаже четырёхэтажного дома времён Великой депрессии, или каких-либо других времён, но застал он немало депрессий. Депрессию несчастного художника, что жил на втором, тот писал картины и разрывал их, писал и разрывал. Морису даже казалось, он писал, чтобы разрывать. Депрессию мадам Аннет, все знали, что она мадам, но никто не видел почему. Скорее всего, она была вдовой, скорее всего, вдова была безутешна, ведь кто бы её ни утешал, больше пары дней не

задерживался. Дом застал депрессию великого фотографа. Сеньор Альваро жил над Морисом и всем говорил, что великий, а его фотографии крали, бесстыдно крали и побеждали с ними на выставках. Никто и не спорил с несчастным фотографом, все соглашались с его величием, всем было не до него. Было ещё много других депрессий, они заселялись и выселялись из дома, парочку вынесли ногами вперёд.

Морис позавтракал холодной пиццей и принял чуть тёплый душ. Когда-то у него была своя ванная, в том доме было две ванные комнаты, сейчас же не было ничего. Морис надел старый костюм, а поверх измятый плащ, нашупал в кармане вчерашний вефдок и вышел на улицу.

Захлопнув дверь престарелого «форда», в котором через раз закрывались замки, Морис поехал в участок. Такие машины перестали выпускать ещё в 98-м, но Морис не переставал в неё верить, да и зарабатывать больше не начинал.

В участке работа кипела. По отделу бегали сотрудники, трезвонили телефоны без устали, сбрасывая и принимая звонки. Секретарша Глория, что всегда опаздывала с поводом и без, распечатывала уже не первый бланк для капитана. «Позвони ещё раз в правовой отдел», — кричал ей вслед капитан.

«Значит, не раз уже звонила, — подумал Морис, — что за ерунда», — оглядывался он. Офицеры стояли у кофемашины и громко смеялись,

травя анекдоты. Двери соседних кабинетов впускали и выпускали людей.

— Эй, Морис, — крикнул из-за стола Ронни, — чего опоздал?

Детектив понял, что проспал. Утром он вроде бы встал в шесть, но и часы его тоже встали, ешё вчера в шесть вечера, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис посмотрел на большие настенные, было без четверти десять.

— Чего застыл? — рассмеялся Ронни.

Морис посмотрел на Ронни, на всех вокруг, вспомнил про вешдок в кармане и пошёл на второй этаж. Что-то странное творилось с инспектором, как-то не так было вокруг.

За стеклянной дверью человек в белом (эксперт лаборатории, высокий, нервный, худой) уже десять минут объяснял что-то Морису.

— Я тебе ешё раз говорю, — настаивал криминалист, тряся пакетиком с заколкой возле носа Мориса, — что никакого дела, никакой Саманты Стюарт у нас нет!

— А я тебе ешё раз говорю, что вчера после шести привезли её тело, — настаивал детектив.

— Вот куда привезли, туда и иди!

Морис забрал заколку и вышел за дверь. Она громыхнула так, будто дала ему по носу. Его будто выставили, нагло выставили.

«Эти медики вечно не в себе», — бормотал Морис, спускаясь вниз, как вчера он спускался по мраморной лестнице в доме убитой Саманты Стюарт. Морис расстегнул пиджак и верх-

нюю пуговицу, вытер со лба испарину и вернулся в отдел.

— Эй, Ронни, — подошёл он к сержанту, — мне нужно приобщить заколку к делу.

Ронни посмотрел на заколку в пакете.

— Ну так приобщи.

— Её не принимают в лаборатории. Им нужно дело Саманты Стюарт.

— Кого?

— Саманты Стюарт. Вчера в саду я нашёл заколку с её волосами, убийца зашёл через сад.

— Какой убийца, Бенджи? В каком саду?

— Ты издеваешься, что ли, Ронни? Ты вчера осматривал тело. Саманта Стюарт, двадцать шесть лет, огнестрел.

— Какой огнестрел, какое тело? Вчера мы весь день просидели здесь.

— А чьи это, по-твоему, волосы? — Морис указал на пакет.

— Откуда мне знать, чьи это волосы. Ты совсем уже тронулся?

Ронни смотрел на Мориса как на сумасшедшего. Морис и сам решил, что сходит с ума.

— Дом, двухэтажный с колоннами у поворота на Филдстон-стрит, — не моргая смотрел он на Ронни.

— Так, — протянул сержант. — Я всё понял...

— Да?

— Конечно! Вчера после работы ты пошёл в бар и вдупель напился, а после подцепил какую-то девку, вот с этой самой заколкой, про-

вёл с ней ночь, проспал, а наутро принял её волосы за вешдок. И сегодня в белой горячке припёрся в отдел.

— Там был сад, Ронни, — чуть не плача говорил Морис, — в саду были гномы.

— Гномы?

— Да.

— В саду?

— Да!

— Живые?

— Ты что, издеваешься надо мной? — Морис облокотился на стол.

— Что случилось? — спросил офицер, что потягивал кофе у стойки секретарши.

— У Мориса появилась любовница, — крикнул Ронни. — Сегодня ночью он выдрал ей волосы и сейчас пришёл похвастаться этим.

— Поздравляю, лейтенант! — сказал офицер, приподнимая кофе, как бокал. — Сколько можно оплакивать неудавшийся брак.

— Я не оплакивал...

— И правильно.

— Нашёл чем хвастаться, — покосилась на Мориса секретарша.

— Не завидуй, Глория, — подмигнул ей Ронни.

— Да не было никакой любовницы! — завопил Морис.

— Есть вещи, которых не стоит стыдиться, лейтенант, тем более в вашем-то возрасте...

— Мне сорок пять!

— Серьёзно? А с виду дашь все сорок шесть...

— Всё, с меня хватит! — Морис послал всех к чёртовой матери и пошёл за свой стол.

«Может, и правда ничего не было, — думал он, смотря на заколку, — ни дома, ни убийства, ни сада с гномами».

Он взглянул на часы, они были с трещиной. «Может, приснилось, но откуда вещдок?»

Морис видел всё, и себя, и Ронни, и офис, весь, каким он его помнил, и людей всех, что помнили его. Чьи-то пальцы отбивали разрешение на обыск, всаживая в столешницу клавиши с буквами, чьи-то губы повторяли услышанное в трубке, завершали разговор. Этот день был таким же реальным, как реальным было вчера. Вдруг это всё перед ним закружилось — и отдел, и люди, и их голоса, закружилось и встало, и Морис встал, встал и пошёл к выходу. Как идут с похмелья, нехотя, чуть пошатываясь, с большой головой и шумом в ушах.

— Простите, — донёсся незнакомый голос.

Морис видел пришедшую девушку, Морис слышал незнакомый голос, Морис сходил с ума.

— К кому я могу обратиться за помощью?

Помощь сейчас не помешала бы Морису. Он огляделся по сторонам.

«Интересно, они её тоже видят или её вижу только я...»

— Вы меня слышите? — спросила женщина.

— Я вас слышу, — прошептал инспектор, он будто сейчас проглотил все гласные. Он будто забыл, как дышать. Вдох, вдох, где выдох? А, вот

же выдох, ладонью с размаху по потной спине. Ронни треснул ему меж лопаток: «Морис, дай пройти», — и прошёл мимо него, мимо неё, как будто так легко это было — ходить мимо воскресших людей.

Морис взял женщину под локоть, никогда он не брал трупы под локоть, никогда не приглашал присесть.

Он сел за свой стол, она села напротив.

— Глория, принеси, пожалуйста, кофе, — попросил Морис.

— Я не твой личный секретарь, — чуть не ответила Глория, но тут же метнулась за кофе, увидев бумажную бледность его лица.

Морис отпил сладкий кофе, искоса смотря на ту, что смотрела на него.

— Как вас зовут? — еле выговорил он.

— Саманта Стюарт.

Всё опять закружилось, но быстро встало на места.

— Чем я могу вам помочь?

— Уже неделю мне поступают звонки с угрозами. Я не сразу поняла, что это угрозы, — она быстро перебирала ремешок своей сумочки.

— Не поняли?

— Нет, сначала в трубке молчали, а потом заговорили, но голос был будто записан на плёнку или наложен какой-то эффект.

— Что сказали?

— Время пришло.

— Время пришло?

— Да, — губы её задрожали. — Меня могут убить?

— Возможно, — протянул Морис.

Он совершенно не думал о жертве, чего о ней думать, если она уже мертва, он не думал и о поступивших звонках, раньше бы он зацепился за это, раньше, но не сейчас. Сейчас он думал о психологической помощи и о том, как нелепо завершилась его сознательная жизнь. По долгу службы он пару раз говорил с сумасшедшими. Но, к сожалению, не спросил их тогда, поняли ли они, в какой момент спятили. А стоило бы спросить. Если они ни о чём не догадывались и не знали никогда, что разум покидает их, а он знает и вполне себе догадывается, значит, у него не всё так плохо. Может, он и не совсем псих...

Детектив взглянул на Саманту. Ему захотелось ещё раз дотронуться до неё. «Может, она ненастоящая, может, всё ненастоящее», — подумал Морис, но всё же постарался прийти в себя.

Глаза Саманты наполнились страхом, лицо задрожало, волосы то и дело спадали на лоб, мешали, лезли в глаза. Она поправляла их и поправляла, пытаясь сбрить, но они всё падали и падали. Саманта открыла объёмную сумочку и ушла в неё с головой, долго рылась и что-то искала.

— Что вы ищете? — спросил Морис.

— Я вчера потеряла заколку, — сказала она, — и где я могла её потерять...

«В саду», — чуть не выпалил Морис, но, нащупав заколку в кармане, смолчал.

— Последнюю неделю я никому не открываю дверь, — продолжала покойная, — только доставщикам еды. Я почти не выхожу на улицу, только если во двор, у меня есть свой сад, всё время я провожу там.

«Отличный сад, — хотел было сказать Морис, — и гномы отличные, и клён».

— Вы мне поможете? — взмолилась Саманта.

В глазах её было столько надежды... «Разве могут быть глаза покойника полны надежды, — рассуждал молча Морис, — не могут. Скорее всего, она не мертва. Скорее всего, это даже не её заколка. Может, Ронни был прав...»

— Я сделаю запрос в телефонную компанию, — сказал детектив, постепенно приходя в себя, — мы постараемся вычислить, откуда поступали звонки. Но, скорее всего, не получится.

— Не получится?

— А если и получится, это нам ничего не даст.

— Почему?

— Подобного рода угрозы поступают либо с телефонных уличных будок, либо с заграничных «мёртвых» номеров. Их хозяева не те, кто звонит.

— А узнать, откуда звонили, вы можете?

— Можем, но только в процессе звонка.

Морис и сам не заметил, как быстро он вошёл в колею своей обычной жизни, обычного лей-

тенанта отдела убийств. Он говорил так чётко и сдержанно, как говорил всегда, как говорил ещё день назад. Его волновала жизнь этой Саманты. Его волновало, кто же преступник. А заколка, да что заколка, пусть она будет как есть, в пакете, в кармане, в непонятном прошлом, когда-нибудь всё непонятное обретает чёткий след. Морис всегда это знал, он и сейчас в это верил.

— Я в дом больше не вернусь, — сказала Саманта.

— Но что прикажете делать?

— Не знаю...

— Вы можете поселиться в гостинице, но охрану я вам дать не смогу.

— А если он выследит меня? Вы можете пожить со мной?

— В гостинице? Нет, мэм, боюсь, это невозможно.

— А я с вами?

— Вы серьёзно? Хотите пожить у меня? Я боюсь, в моей квартире не так много места.

— Мне всё равно, пожалуйста, не бросайте меня.

— Хорошо, до выяснения всех обстоятельств вы можете пожить у меня.

— Правда?

— Правда, — ответил Морис и вышел из-за стола.

Саманта тоже встала.

— Подождите меня у дверей, мне нужно найти ключи.